

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-24

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Обручев, Владимир Афанасьевич.

О-24 Плутония / Владимир Обручев. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-209174-2

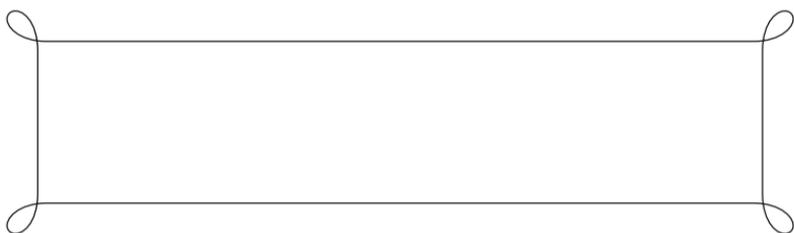
«Плутония» — научно-фантастический роман русского геолога и географа Владимира Афанасьевича Обручева (1863—1956).

Кто не хотел бы узнать о том, что было в далеком прошлом? Так отважные исследователи отправились в большое путешествие по Арктике, которое завело их в глубины планеты. Динозавры, первобытные люди, подземное солнце — героев ждет мир юрского периода, полный опасностей и открытий.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-209174-2

© Обручев В.А., наследники, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Профессор Каштанов, известный путешествиями на Новую Землю и Шпицберген и исследованием Полярного Урала и занимавший кафедру геологии в университете, только что вернулся из своей лаборатории. Осенний семестр кончился, лекции и экзамены прекратились, и профессор с удовольствием мечтал о трехнедельных зимних каникулах; не для безделья — о нет! Еще не старый, полный сил и здоровья, он думал отдохнуть только дня два-три, а затем приняться со свежими мыслями за ученую статью о геологическом соотношении Урала и Новой Земли.

Присев к письменному столу в ожидании обеда, Каштанов пересмотрел полученную за день почту, перелистал несколько научных брошюр, присланных ему авторами, пробежал каталог научных новинок немецкого книгоиздательства. Наконец его внимание привлекло письмо в большом желтоватом конверте, с адресом, написанным очень четким, но мелким почерком.

Почерк своих обычных корреспондентов профессор знал отлично, и это письмо от незнакомого человека заинтересовало его.

Каштанов вскрыл конверт и с изумлением прочитал следующее:

Мунку-Сардык, 1/XII 1913

Глубокоуважаемый Петр Иванович!

Зная Вашу опытность в полярных исследованиях и интерес, который Вы питаете к геологии арктической области, я предлагаю Вам принять участие в крупной экспедиции, отправляемой мною будущей весной на один или два года для изучения неизведанной части Ледовитого океана. Если Вы принципиально согласны, будьте добры приехать для личных переговоров 2 января 1914 года в полдень в Москву, гостиница «Метрополь», где в этот день и час соберутся остальные предполагаемые участники экспедиции и я. Если безусловно отказываетесь, не откажите известить по тому же адресу. Расходы по поездке во всяком случае будут возмещены.

*Вполне преданный и уважающий Вас
Николай Иннокентьевич Труханов.*

Профессор опустил письмо и задумался.

«Труханов? Как будто слышал эту фамилию, но где и когда? Кажется, в связи с вопросами геофизики¹ или астрономии. Нужно навести справки. Это крайне интересно. Живет где-то на границе Монголии, а снаряжает экспедицию в Ледовитый океан!»

Каштанов протянул руку к телефону и вызвал своего коллегу, профессора астрономии, который сообщил следующие сведения: Труханов окончил университет и посвятил себя геофизике и астрономии. Он недавно выстроил обсерваторию на вершине горы Мунку-Сардык в Саянском хребте, на границе Монголии, чтобы воспользоваться чистотой и прозрачностью воздуха Восточной Сибири в течение долгих

¹ Геофизика — наука о физическом строении земного шара, его магнитных и электрических свойствах, силе тяжести, радиоактивности, температуре глубин, физическом состоянии недр.

зим, изобилующих безоблачными днями и ночами. Но при чем тут полярные области? Над Ледовитым океаном атмосфера, во всяком случае, менее благоприятна для астрономических наблюдений, чем на горе Мунку-Сардык...

На этот вопрос астроном не мог дать никакого ответа, и Каштанову ничего не оставалось, как отложить удовлетворение своего любопытства до 2 января. Он, конечно, решил съездить в Москву.

СОВЕЩАНИЕ В МОСКВЕ

В полдень 2 января 1914 года профессор Каштанов подкатил на автомобиле к гостинице «Метрополь» и постучал в дверь номера 133, указанного ему швейцаром. Дверь распахнулась, и профессор очутился в обширной светлой комнате, где были уже несколько человек. Один из них поднялся навстречу Каштанову и, протягивая ему руки, воскликнул:

— Вы аккуратны, как часы, Петр Иванович, невзирая на эту погоду, настоящую сибирскую пургу! Это отличное предзнаменование для нашего предприятия. Очень рад, что вы прибыли и что имею честь видеть вас у себя! Я — Труханов. Позвольте познакомить вас с остальными присутствующими.

Один за другим поднялись и были представлены Каштанову:

— Зоолог приват-доцент Семен Семенович Папочкин.

— Метеоролог Главной физической обсерватории Иван Андреевич Боровой.

— Ботаник и врач Михаил Игнатьевич Громеко.

На круглом столе среди комнаты была разложена большая карта арктической области, на которой резкими цветными линиями были нанесены маршруты экспедиций

последних пятидесяти лет. К северу от Таймырского полуострова была уже намечена земля, открытая Вилькицким только летом 1913 года¹.

Когда все уселись вокруг стола, Труханов начал свою речь:

— Как показывает вам эта карта, пять шестых арктической области между Сибирью, Северной Европой, Гренландией и Северной Америкой испещрены маршрутами многочисленных экспедиций. Но удивительное открытие земли, сделанное недавно Вилькицким, показало, что и в этой области возможны еще крупные завоевания для науки. Нужно только направить свои усилия целесообразно, пользуясь опытом всех предшественников.

Дело славных экспедиций семнадцатого и восемнадцатого веков — Прончищева, Лаптева, Дежнева, Беринга — и исследований Врангеля и Миддендорфа в первой половине девятнадцатого века на Крайнем Севере Сибири в настоящее время продолжают экспедиции Седова, Брусилова и Русанова, занимающиеся изысканиями в Карском или Баренцевом море. В ту же область проник и Вилькицкий и, конечно, будет продолжать свои исследования. Конкурировать с ними я не хочу...

Мои планы, — продолжал Труханов после небольшой паузы, — касаются другой части арктической области. Взгляните на это большое белое пятно к северу от Чукотского полуострова и Аляски — ни одна цветная линия его не пересекает! Злополучная «Жаннетта», скованная льдами, проплыла южнее этого пятна. Последние экспедиции Свердрупа и Амундсена работали восточнее, среди островов Североамериканского архипелага. Но в пределах этого пятна должна быть земля, никому еще не известная, или большой остров, только вдвое меньше Гренландии. А может быть, там

¹ Теперь она называется Северной Землей.

лежит целый архипелаг. Посмотрите, на восточной окраине этого пятна нанесена проблематическая земля, виденная издали Крукером, на южной — Земля Кинан. Нансен думает, что большой земли в этой части Ледовитого океана нет; Пири, наоборот, убежден, что с мыса Фомы Гоббарда он видел на северо-западе окраину большого материка.

Гаррис, член береговой и геодезической съемки Соединенных Штатов Америки, уверен в существовании этого материка на основании изучения приливов и отливов на северных берегах Аляски. По его словам, весь ход этих колебаний морского уровня в море Бофора доказывает, что они идут не из Тихого океана через узкий и мелкий Берингов пролив, а из Атлантического океана, по глубокому промежутку между Норвегией и Гренландией, а затем, между предполагаемым материком и берегами Аляски и Сибири, эти колебания все более и более ослабевают. Если бы этого материка не было, приливная волна шла бы из Гренландского моря через Северный полюс прямо к берегам Аляски и Чукотской земли, не запаздывая и не ослабевая. Существование материка доказывается еще тем, что в море Бофора, открытом на западе, западные ветры усиливают приливную волну, а восточные ослабляют ее, и разница в высоте волны достигает двух метров. Это возможно только в узком море между двумя материками. От островов Североамериканского архипелага предполагаемый материк отделен только узким проливом. Если бы этот пролив был широк, приливная волна Атлантического океана могла бы достигать берегов острова Банка, встречаясь здесь с приливной волной, обошедшей этот материк с запада и юга, и обе волны должны были бы уничтожить друг друга. Но наблюдения Мак-Клора у западного берега острова Банка показали, что здесь все еще господствует приливная волна, идущая с запада, из моря Бофора.

Итак, — продолжал Труханов, — существование материка или тесной группы больших островов в этой части арктической области можно считать почти несомненным, и остается только открыть и объявить их принадлежащими России. Я узнал, что правительство Канады снаряжает экспедицию, имеющую задачей проникнуть летом этого года в белое пятно с востока. Дальше медлить нельзя — нам нужно проникнуть в ту же область с юга и юго-запада, со стороны Берингова пролива, иначе последняя неизвестная часть Арктики будет целиком изучена и захвачена англичанами. Вот почему я решил организовать и послать туда экспедицию, а вас приглашаю принять в ней участие.

А теперь позвольте сообщить вам о ближайших планах. Судно по типу «Фрама», но более усовершенствованное на основании опыта последних плаваний, уже с осени строится. На днях оно будет спущено на воду, и капитан поедет руководить его окончательным снаряжением. К концу апреля, по контракту, судно должно быть совершенно готовым, и к первому мая оно прибудет во Владивосток за членами экспедиции. В начале мая мы снимемся с якоря и возьмем прямой курс на Камчатку, где в Петропавловске погрузим партию ездовых собак с одним или двумя камчадалами, опытными в управлении этими животными. Если нам это не удастся на Камчатке, мы можем взять собак на Чукотском полуострове, в Беринговом проливе, где придется приставать, чтобы запастись юколой¹ для собак и полярной одеждой для людей. Миновав Берингов пролив, мы направимся не на северо-запад, как «Жаннетта», а на северо-восток, прямо к искомой земле. Конечно, вскоре мы встретим льды и будем пробиваться через них насколько можно дальше, но весьма вероятно, что на судне мы не дойдем до берегов этой

¹ Ю к о л о й на севере Сибири называется сушеная рыба, преимущественно из породы лососей, приготовляемая жителями впрок для пропитания зимой себя и собак.

земли и высадим санную экспедицию, которая и должна будет проникнуть возможно дальше на север. Она будет снабжена припасами на год на случай зимовки, если ей не удастся к осени вернуться назад или если судно, которое будет крейсировать вдоль южной окраины земли или сплошных льдов, не сможет подобрать экспедицию до наступления зимней полярной ночи. На окраине земли судно будет оставлять на известном расстоянии один от другого склады с припасами, чтобы санная экспедиция могла пополнить свои запасы и на второй год в случае какого-либо несчастья. Но если к концу будущего лета судно не вернется в какой-нибудь порт, имеющий телеграфное сообщение с Европой, весной следующего года будет отправлена спасательная экспедиция для поисков судна и взятия санной партии.

Как видите, — закончил Труханов, — хотя задачей экспедиции не является достижение Северного полюса с новой стороны, а только исследование предполагаемого материка к северу от Берингова пролива, однако и эта задача также довольно трудна. В лучшем случае мы вернемся на родину поздней осенью этого года, может быть, даже не увидав искомой земли; но более вероятно, что придется зимовать во льдах на судне или на материке и вернуться годом или двумя позже. В худшем случае мы можем погибнуть — это каждому из нас нужно иметь в виду и устроить свои дела соответственным образом.

После некоторого молчания, во время которого каждый из слушателей мог обдумать свое отношение к делу, Труханов прибавил:

— Если бы кто-нибудь из вас теперь, после разъяснения плана экспедиции, нашел невозможным принять в ней участие, то я попросил бы его все-таки не говорить никому о нашем плане до начала мая, чтобы нас не могли опередить иностранцы.

— Если я не ошибаюсь, — заметил Каштанов, — вы, Николай Иннокентьевич, говоря о санной экспедиции, выразились: «Мы ее высадим на берег или на лед». Разве вы сами не предполагаете участвовать в исследовании неизвестного материка?

— К несчастью, нет, Петр Иванович. Я поеду с вами на судне и останусь на нем, потому что ходить пешком почти не могу. У меня ведь одна нога ниже колена искусственная; я так неудачно сломал ее во время путешествия по диким Саянам, что сделался инвалидом, годным только для сидячего образа жизни.

— Кто же отправится с санной экспедицией?

— Все присутствующие, кроме меня и капитана, а также один или два камчадала или чукчи, то есть пять или шесть человек. Исследование всех трех царств природы будет обеспечено, а метеоролог кроме атмосферных явлений берет на себя определение долгот и широт... Не так ли, Иван Андреевич?

— Совершенно верно, я имею достаточный опыт в этом отношении, — ответил Боровой.

— Я не настаиваю на немедленном решении вопроса об участии в экспедиции, — продолжал Труханов. — Пусть каждый обдумает мое предложение спокойно наедине.

— Когда же нужно дать окончательный ответ? — спросил Папочкин.

— Через неделю в это же время. Более продолжительного срока на размышления я, к сожалению, дать вам не могу, так как в случае отказа кого-нибудь я вынужден буду искать другого соответствующего специалиста, а в конце января должен вернуться в Сибирь, чтобы устроить дела своей обсерватории, которую покидаю на долгое время...

Через неделю в тот же час в номере Труханова собрались те же лица, кроме капитана, уже выехавшего принимать корабль. Никто из ученых не отказался от уча-

ствия в экспедиции, слишком соблазнительной, несмотря на предстоявшие лишения и опасности. Труханов был в восторге и заметил, что это единодушие и отсутствие колебаний среди участников заранее гарантируют успех предприятия. План обсуждался вторично, и каждый участник делал замечания по своей специальности относительно необходимого научного и личного снаряжения.

На следующий день все разъехались в разные стороны, чтобы подготовиться к экспедиции и закончить личные дела.

В ДАЛЕКИЙ ПУТЬ

20 апреля с сибирским экспрессом выезжали одновременно из Москвы профессор Каштанов, зоолог Папочкин, метеоролог Боровой и врач Громеко, собравшиеся по уговору из разных концов России; через десять дней они прибыли на вокзал Владивостока.

В гостинице, указанной им заранее, наши путешественники нашли уже Труханова, прибывшего неделей раньше для разных закупок и приема заказанных вещей. На следующий день, 1 мая, все пятеро встречали причалившее в порт судно «Полярная звезда», с капитанского мостика которого им улыбалось обветренное лицо капитана.

В течение трех дней производилась погрузка угля, смазочных масел, съестных припасов, разных предметов научного снаряжения и личного багажа членов экспедиции, которые на третий день сами перебрались на судно.

Утром 4 мая все было готово, таможенные формальности окончены, экипаж и пассажиры на местах.

Плавно рассекая волны бухты Золотого Рога, «Полярная звезда» в полдень обогнула Ослиные Уши и направилась мимо острова Русского на восток. Все пять

человек экспедиции с капитанского мостика провожали глазами уплывавший вдаль город, раскинувшийся амфитеатром по сопкам, позади зеленой бухты. В душе каждого из них невольно вставал вопрос: увижу ли я когда-нибудь опять эти берега и родину вообще? И каждому становилось немного грустно. Но свежий морской ветер и легкая качка, начавшаяся после выхода из бухты, быстро покончили с береговыми воспоминаниями.

Раздался гонг, призывавший к завтраку, и путешественники, бросив последний взгляд на оставшуюся позади темную полосу родного берега, спустились в кают-компанию.

После завтрака все поднялись опять на палубу, чтобы взглянуть на темную массу острова Аскольда — последний клочок родной земли вплоть до Камчатки. Миновав остров, «Полярная звезда» повернула на восток; ветер затих, и судно плавно рассекало голубые волны Японского моря, уходявшего теперь на юг и восток за горизонт. Только на севере, на расстоянии пятнадцати-двадцати километров, тянулась темная линия уссурийского берега. На закате солнца за мысом Поворотным и эта линия быстро исчезла из вида.

Судно резко повернуло на северо-восток.

— В какой порт мы направляемся?

— Ни в какой, если сильный шторм не заставит нас сделать это. Но барометр стоит высоко, и до Курильских островов шторма не предвидится.

— А там?

— Там холодное Охотское море, наверно, наделает нам неприятностей. Этот скверный угол Тихого океана почти всегда дает о себе знать судам, держащим курс на Камчатку. Внезапные штормы, туманы, дождь или снег, особенно весной и осенью, бывают там постоянно. Но этот будет для нас подготовкой к полярным условиям.

Благодаря спокойному морю все в эту ночь выпались отлично и отдохнули после суеты и хлопот дождливых сборов. Но на следующий день предсказание Труханова оправдалось. Барометр резко упал, подул пронзительный норд-вест (северо-западный ветер), небо заволокло серыми тучами, и пошел мелкий осенний дождь. На широте мыса Терпения «Полярная звезда» повернула почти на восток и вступила в открытое Охотское море, все больше отдаляясь от Сахалина. Началась сильная боковая качка, и путешественники провели очень беспокойную ночь.

На следующий день погода не улучшилась. Дождь, снег сменяли друг друга. Темные волны с белыми гребнями пены плавно накатывались на левый борт, обдавая брызгами всю палубу. Пришлось сидеть в кают-компании, коротая время в разговорах. Папочкин и Боровой, плохо выносившие качку, не появлялись ни за завтраком, ни за обедом. Капитан ходил со своего поста в рубке только на короткое время. К счастью, шторм не был сильный и за ночь даже ослабел. Утром впереди показалась темная масса острова Парамушир, самого крупного в северной части Курильских, а справа виднелись меньшие острова — Маканруши и Онекотан с вулканом Тоорусыр, из которого поднимался густой столб дыма. Ветер прекратился, и дым шел прямо вверх, расплываясь в верхних слоях атмосферы в серое облако, еле заметное на пасмурном небе. В нескольких милях к югу из воды, подобно исполинскому столбу, отвесно поднимался утес Авосси, словно огромный черный палец, грозивший судну. Белая полоса прибоя резко отделяла его основание от поверхности моря, казавшегося при сером освещении оливково-зеленым.

— Как угрюмы эти острова! — воскликнул Папочкин, вышедший на палубу при известии, что видна земля. — Черные и красноватые мрачные скалы, стелющийся кустарник.

— И постоянные туманы; летом дожди, зимой пурги, — прибавил Труханов. — И все-таки люди живут здесь.

— Курильские острова сплошь вулканического происхождения, — пояснил Каштанов. — На них насчитывают двадцать три вулкана, из которых шестнадцать действуют более или менее постоянно. Эта цепь, соединяющая Камчатку с Японией, тянется по западному краю большого провала морского дна впадины Тускарора, достигающей девяти с половиной тысяч метров глубины. Линии крупных разломов земной коры обыкновенно сопровождаются вулканами, а частые землетрясения доказывают, что движения в земной коре еще продолжаются и равновесие нарушается.

СТРАНА ДЫМЯЩИХСЯ СОПОК

После полудня попутный ветер позволил распустить все паруса, и «Полярная звезда» с удвоенной быстротой понеслась к Камчатке, уже видневшейся на горизонте. Вскоре поравнялись с мысом Лопатка, а затем перед глазами путешественников потянулась линия вулканов-сопок. Одни были конические, другие притупленные, соединенные одна с другой ровными гребнями невысоких хребтов. Снега, покрывавшие стройные конусы сопки и гребень промежуточного хребта, ярко белели на темном фоне неба. Лунная ночь позволила войти безопасно в узкие ворота Авачинской бухты. Убрал паруса, «Полярная звезда» прошла тихим ходом между высокими скалами ворот и очутилась в обширной бухте, на берегах которой ни один огонек не выдавал присутствия человека. Было уже за полночь, и маленький городок Петропавловск давно спал. Спокойные воды бухты серебрились при ярком свете луны, а на севере, вдали, поднимался стройный конус Авачинской сопки,

подобно белому привидению на темном фоне неба. В воздухе чувствовался легкий морозец. Казалось, Камчатка объята еще зимним сном.

Через час судно бросило якорь в сотне шагов от берега, возле сонного городка. Грохот цепей разбудил собак, и ночная тишина была нарушена лаем и воем, на который, однако, никто из горожан не обратил внимания. Этот концерт повторялся не один раз, очевидно, представляя обычное явление. Утром путешественники были разбужены беготней и возней, начавшейся на палубе, — происходила погрузка угля, пресной воды, провизии. Все поспешили наверх. Яркое солнце поднялось уже высоко над горами, и город ожил.

После долгого плавания всем хотелось почувствовать под ногами твердую почву; поэтому позавтракали наскоро и, чтобы переправиться на берег, воспользовались шлюпкой, отправлявшейся за провизией. Там уже все население Петропавловска, от малышей до стариков, едва передвигавших ноги, собралось, чтобы поглазеть на судно и его пассажиров, услышать последние новости с далекой родины, узнать, не привезены ли нужные им товары.

Позади толпы на пологом склоне расположились в живописном беспорядке жалкие домишки горожан, среди которых выделялись по величине и солидности постройки: городское училище, больница, новый дом губернского правления и несколько торговых складов.

Путешественников поразило отсутствие чего-либо похожего на улицы. Домишки были разбросаны так, как вздумалось их строителям и хозяевам: одни стояли лицом к бухте, другие боком, третьи даже наискось. Вокруг каждого дома расположились амбары, сарайчики, навесы для скота, вешалы для юколы. Во многих местах лежали еще кучи и поля грязного тающего снега, из-под которых к морю сбегали ручейки мутной воды, и проходим приходилось перепрыгивать через них, так как ни тротуаров, ни мостиков не было.

Всех поразило почти полное отсутствие домашней птицы и мелких животных. Это объяснялось тем, что ездовые собаки, без которых на Камчатке существовать нельзя, уничтожают всякую мелкую живность, особенно к концу зимы, когда истощаются запасы юколы и собак держат впроголодь. Эти собаки — красивые мохнатые звери различной масти — виднелись вокруг всех домов. Одни грелись на солнце в живописных позах, другие рылись в домашних отбросах, третьи дрались или играли друг с другом. Путешественники с интересом рассматривали этих животных, родичи которых должны были принять участие в экспедиции «Полярной звезды» в качестве средства передвижения по снегам и льдам неизвестной земли. По случаю окончания зимнего пути и полной распутицы на Камчатке собаки пользовались теперь заслуженным отдыхом и незаслуженным великим постом, заметным по их впалым бокам и голодным взорам.

Несмотря на зигзаги, которые приходилось постоянно делать между домами и их пристройками, путешественники меньше чем в полчаса обошли весь город и выбрались за его пределы, где ботаник надеялся собрать весеннюю флору. Но его надежды были обмануты — везде лежал еще глубокий снег, и только на более крутом косогоре, успевшем оттаять, нашлись молодые листья анемонов¹. Весна на Камчатке вследствие обилия зимних снегов и влияния холодного Охотского моря начинается поздно, и земля освобождается от снега только в конце мая. Но зато и осень затягивается до половины или конца ноября.

С верхней окраины города открывался чудный вид на всю Авачинскую бухту, окруженную кольцом гор, местами круто обрывающихся темными утесами к глади вод, местами же сбегавших пологими склонами и разрезанных долинами речек, уже освободившихся от оков зимы.

¹ Анемоны — рано цветущие травянистые растения, например подснежники, ветреницы, веснухи и другие.

Кольцо гор отступало от берега бухты только на западе, где виднелась низменная дельта речки Авачи. У устья последней можно было различить домишки одноименного селения, единственного, кроме Петропавловска, живого места на берегу этого великолепного бассейна, имеющего около двадцати километров в поперечнике, могущего вместить флоты всех великих и малых держав, прекрасно защищенного со стороны моря и тем не менее поражавшего зрителей своей пустынной. На его гладкой поверхности не белел ни один парус, зато окружающие горы, поросшие лесом, белели еще под зимним покровом.

Спустившись к берегу, наши путешественники сделались свидетелями любопытной сцены. Возле воды стояли, связанные попарно, тридцать собак, назначенных для экспедиции. Они были окружены несколькими матросами и толпой любопытных, но вели себя очень беспокойно — выли, дрались и делали попытки к бегству. На воде у берега стояла большая неуклюжая лодка, в которую собирались погрузить эту свору. Коренастый мужчина, обнаженный до пояса, очевидно каюр, то есть собаковод, схватил пару сопротивлявшихся и вывших животных за шиворот, отнес их в лодку и посадил у кормы. Но как только он повернулся к ним спиной, чтобы идти за следующей парой, умные собаки, очевидно недолюбливающие путешествия по воде, выскочили на берег и смешались с остальными. Это повторилось несколько раз, ко всеобщему удовольствию зрителей. Не помогали ни пинки, ни крики — псы не желали покидать свою родину. Каюр выходил из себя и ругал собак русскими и камчадальскими скверными словами, зрители хохотали и подавали различные советы, собаки выли — гвалт стоял невообразимый.

Наконец каюр придумал остроумный, хотя и не очень приятный для косматых пассажиров способ посадки. Он оттолкнул лодку шагов на пять от берега, вручив ее

причал одному из матросов, и затем стал бросать собак попарно через воду в лодку, несмотря на их сопротивление. Извиваясь в воздухе, псы шлепались на дно, вскакивали передними ногами на борт и выли отчаянно, но прыгать в воду все же не решались. Когда лодка наполнилась всеми беспокойными парами, продолжавшими прыгать и выть, ее подвели носом к берегу. Матросы и каюр быстро вскочили и взялись за весла. При первом же взмахе весел стая, словно по мановению волшебного жезла, затихла и молчала в течение всей переправы. Но, как только лодка толкнулась о корпус «Полярной звезды», концерт возобновился с удвоенной силой. С берега было видно, как собак попарно поднимали на палубу в корзине, спущенной с борта судна на веревке, и как каюр носил их в отведенную им загородку, где хорошая порция юколы заставила их примириться со своей участью.

Суета на палубе, грохот якорной цепи и вой встревоженных собак рано разбудили на другой день путешественников, которые не поленились подняться наверх, чтобы бросить последний взгляд на городок и его обитателей, собравшихся на берегу для проводов судна. При криках «ура», «счастливого пути», сопровождавшихся маханием шапками и платками, и при вое собак «Полярная звезда» сделала плавный поворот и полным ходом направилась через бухту к воротам. Берег быстро уходил вдаль, и вместе с тем на заднем плане из-за ближайших к городу гор стал выплывать белоснежный конус Авачинской сопки. Тонкой прозрачной струей из ее вершины поднимался дымок.

— Закурила наша сопка! — произнес голос за спиной путешественников, стоявших у борта и любовавшихся красивой картиной.

Все оглянулись. Это был тот энергичный мужчина, который накануне перебрасывал собак в лодку. Теперь он был одет в кухлянку — рубаху из оленьего меха шерстью наружу. Узкий и несколько косой прорез его

карих глаз, выдающиеся скулы, смуглый цвет лица, приплюснутый нос и скудные черные усики сразу обнаруживали монгольское происхождение. Он, улыбаясь, смотрел на путешественников.

— Это новый член нашей экспедиции — Илья Степанович Иголкин, начальник тридцати собак и каюр передней нарты, который обучит нас управлять этими беспокойными животными, — сказал Труханов, здороваясь с каюром.

— Наши собачки очень спокойные, господин начальник! — возразил тот. — Они уже затихли. Ведь покидать родину никому неохота, потому они и выли.

Когда Иголкин отошел к собакам, Труханов передал товарищам сведения об этом члене экспедиции. Иголкин был родом из Забайкалья, из бурят-казаков какой-то станицы на границе Монголии, и участвовал в войне с Японией, после которой остался во Владивостоке. Его завезла на Камчатку научная экспедиция, и ему понравилась страна дымящихся сопок, ее приволье, обилие рыбы, охота на медведей. Он нашел здесь вторую родину, быстро приспособился к своеобразным условиям тамошней жизни и сделался известным всему Петропавловску ловким каюром и проводником любителей охоты. Принять участие в экспедиции Труханова его соблазнила высокая плата, выданная ему за год вперед и позволявшая построить дом и обзавестись скотом и орудиями промысла.

Через час после поднятия якоря «Полярная звезда» входила уже в ворота Авачинской бухты, которые тянутся на пять с лишним километров. Справа у входа, против отвесных скал мыса Бабушкина, из моря чернел глыбой огромный Бабушкин камень, около ста метров вышиной, с плоской вершиной, весьма удобный для гнездования морских птиц.

Сотни чаек, бакланов и других пернатых, встревоженных шумом машины, залетали вокруг этого утеса, оглашая воздух резкими криками.

Обогнув мыс Дальний с маяком, «Полярная звезда» круто повернула на северо-восток и направилась вдоль восточного берега Камчатки, постепенно отдаляясь от него.

Два дня наблюдать было нечего. Кроме того, дул холодный норд-вест, наносивший то дождь, то крупу или снег. Море было беспокойно, и теплые каюты казались заманчивее мокрой палубы.

Наконец ветер стих, но зато появились плавающие льды и туманы. Два дня шли тихим ходом, чтобы не наткнуться на ледяное поле. При прояснившейся погоде справа показался берег скалистого острова Святого Лаврентия, а слева — мыс Чукотский. Западнее последнего, на берегу глубокой бухты Провидения, находилась фактория; там для экспедиции был сложен уголь, завезенный заранее зафрахтованным судном. «Полярная звезда» отдала якорь, и началась погрузка угля. После недельного плавания все поспешили на берег. Но береговые скалы не давали простора для экскурсии, а снег еще покрывал склоны, и только небольшая площадь вокруг фактории была свободна от него.

БЕРИНГОВ ПРОЛИВ

Через два дня, погрузив уголь, «Полярная звезда» обогнула Чукотский мыс и вошла в Берингов пролив, придерживаясь ближе к материку Азии, где низкие горы круто падали к морскому берегу или полого спускались к широким долинам, уходящим в глубь этой печальной страны. Несмотря на конец мая, повсюду еще виднелись большие поля снега, и только крутые южные и юго-западные откосы гор были совершенно свободны от него и уже зеленели молодой травкой или свежими листочками на низких, стелющихся кустах полярной ивы и березы.

По зеленым волнам пролива часто клубился туман, скрывая даль. Небо постоянно заволакивалось низкими свинцовыми тучами, осыпавшими палубу судна то дождем, то снегом. Из-за туч иногда выглядывало солнце, дававшее много света, но мало тепла. И под солнечными лучами негостеприимные берега крайнего северо-востока Азии теряли свой безотрадный характер.

Когда туман расходился или рассеивался порывами ветра, покрывавшего зеленые волны белыми барашками, на востоке можно было различить чуть синевший ровный берег Америки. Плавающие льды попадались все чаще и чаще, но не сплошными массами, а небольшими полями или же в виде красивых торосов, причотливые очертания которых приводили в восторг людей, не бывавших в северных морях.

Приближению более значительного ледяного поля обыкновенно предшествовало появление полосы тумана, так что капитаны судов всегда имели возможность уклониться в ту или другую сторону, чтобы не столкнуться со льдинами. Но здесь это еще не так опасно, как в северной части Атлантического океана, где могут встретиться айсберги, опасные для судов, так как эти ледяные горы, уносимые на юг течением, постепенно подтаивают, в результате чего подводная часть оказывается в положении неустойчивого равновесия и гора может опрокинуться от пустячной причины.

Берега казались безжизненными: не видно было ни дымка, ни фигуры человека или животного. Поэтому велико было изумление наших путешественников, собравшихся на палубе, когда из небольшой бухты, внезапно открывшейся за скалистым мысом, быстро выплыла лодка с одним гребцом, который усиленно работал веслами, плывя наперерез курсу «Полярной звезды». Но когда он заметил, что корабль его обгоняет, то начал кричать и махать платком.